

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН И ТЕОРИЯ РЕФОРМ В РОССИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

Андрей Игоревич ВОЛЫНСКИЙ,

младший научный сотрудник,
Институт экономики РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: ava3003@hotmail.com

В статье представлены результаты анализа публикаций русскоязычных исследователей в области институционального дизайна. Понятие институционального дизайна устоялось и широко применяется в работах англоязычных экономистов, прежде всего представителей институционального и неоинституционального направлений. Однако на русском языке термин чаще используется политологами, а экономисты, напротив, обращаются к нему крайне редко. Тем не менее проведенный нами анализ показал, что в экономической российской литературе можно обнаружить множество работ, в которых вопросы теории реформ рассматриваются с точки зрения целенаправленного влияния на изменение институтов и институциональной среды. Авторы включенных в наш обзор работ анализируют типы реформаторских стратегий и на примере сравнительного изучения опыта проводившихся в различных странах реформ разрабатывают рекомендательные по сути концепции институционального дизайна, которые позволяют минимизировать риски при проведении институциональных реформ, а также максимизировать возможные положительные эффекты от внедрения новых институтов. Отдельную часть исследований составляет рассмотрение негативных последствий от выбора неверных стратегий реализации реформ, что лежит в основе целого ряда концепций, таких как «институциональные ловушки», концепция «нецелевого использования институтов» и институциональных диссонансов. Все три понятия описывают схожие явления, причина которых – в несоответствии внедряемых институтов сложившейся институциональной среде, которое провоцирует рост общественных издержек либо же способствует формированию устойчивого неэффективного равновесия. Рассматриваются концепции промежуточных институтов и институциональных коридоров как теоретических оснований для минимизации негативных последствий от реализации различных стратегий институционального дизайна.

Ключевые слова: институциональный дизайн; институты; теория реформ; мезоуровень экономического анализа; институциональная теория; гражданская культура

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00207).

INSTITUTIONAL DESIGN AND THEORY OF REFORMS IN RUSSIAN ECONOMIC DISCOURSE

Andrei I. VOLYNSKII,

Junior Researcher,
Institute of Economics, RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: ava3003@hotmail.com

The article presents the results of the analysis of publications of Russian-speaking researchers devoted to the institutional design issues. Steady and widely used in the work of English-speaking economists, representatives of institutional and neoinstitutional directions, the concept, however, is used in Russian as a rule in political science research, but not at the economic area. However, the analysis has shown that in the Russian-speaking scientific space one can find a vast layer of works in which there are points of contact between institutional, neoinstitutional theory and the theory of reforms. They develop recommendatory concepts for the selection of correct reform strategies, the implementation of which will minimize risks in the conduct of institutional reforms and maximize the possible positive effects from the introduction of new institutions. Part of the research examines the negative consequences of choosing wrong strategies for implementing reforms. This becomes the basis for several concepts, such as «institutional traps», the concept of «misuse of institutions» and institutional dissonances. All three concepts describe similar phenomena, the reason of which is the discrepancy of the institutions that are borrowed, which are implanted in the established institutional environment, provokes an increase in social costs or results in inefficient equilibrium. In conclusion, the concepts of second-best institutions and institutional corridors are considered as theoretical grounds for minimizing the negative effects of institutional design.

Keywords: *institutional design; institutions; theory of reform; meso level of economic analysis; institutional theory; civil culture*

JEL classifications: *B25, B52*

Введение: институциональный дизайн и институциональная теория реформ

Институциональный дизайн – понятие в англоязычной научной литературе устоявшееся и широко распространенное. Классиком направления многие называют Элино́р Остро́м², американского ученого, основателя Блумингтонской школы, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2009 г. Ее авторству принадлежат так называемые восемь принципов институционального дизайна (Ostrom, 1990, pp. 149–153).

Общим по нашему представлению для англоязычной литературы пониманием институционального дизайна можно считать рассмотрение его как «преднамеренной попытки изменения свода формальных и неформальных правил» (Klijn & Korpenjan, 2006, p. 149), целенаправленное и осознанное воздействие на процессы трансформации институтов и институциональной среды. Анализ посвященной институциональному дизайну англоязычной экономической литературы позволяет сделать вывод о

² Хотя разработки в области институционального дизайна начались за рубежом еще в 1990-х гг. (подробнее см. статью М. С. Кругловой в этом номере).

том, что теория институционального дизайна обладает развитой методологией и обширными концептуальными разработками.

Напротив, в русскоязычной научной среде тема институционального дизайна реже удостоивается внимания со стороны исследователей. Поиск запрос «институциональный дизайн» в системе базы данных научной электронной библиотеки Elibrary.ru дает относительно небольшой результат: 215 публикаций³, первая из которых датируется 1999 г. (Как менять..., 1999)⁴. При этом чаще всего понятие институционального дизайна используют в своих работах политологи, напротив же, встретить упоминание о методах и особенностях институционального дизайна в русскоязычных экономических исследованиях достаточно трудно. Однако это не означает, что проблемы реформ с точки зрения задачи изменения институтов находятся вне поля зрения ученых-экономистов. Напротив, можно обнаружить значительное число работ, рассматривающих теорию реформ в ее связи с проблемой осуществления институциональных преобразований. Внимание к рассмотрению реформ с точки зрения изучения институтов закономерно объясняется признанием связи между развитием институтов и социально-экономических систем (Гареев, 2010, с. 57)⁵ и опосредованно вытекает из простой формулировки, но трудной в решении проблемы: если известно, какие институты эффективны, а какие нет, то почему нельзя «выписать рецепт» странам с неэффективными институтами (Вольчик, 2012, с. 64).

Своеобразным пионером в сопряжении институционализма и теории реформ в русскоязычной науке можно назвать академика В. М. Полтеровича. Реформы для него – «это целенаправленное изменение институтов, предполагающее присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации» (Полтерович, 2008а, с. 7), а путь к успешной их реализации – в рассмотрении реформ «как последовательности преобразований, построения институциональной траектории, ведущей к намеченной цели» (Полтерович, 2017а, с. 316). Неразрывность понятия институтов и реформ утверждает В. М. Полтеровичем не только на практическом, но и на теоретическом и методологическом уровнях. «Предмет теории реформ – управляемая трансформация институтов», – пишет он (Полтерович, 2008а, с. 9). Более того, слабый интерес институционалистов к осмыслению реформ В. М. Полтерович в свое время ставил в упрек всей институциональной теории: «реформы генерируют поток институциональных инноваций <...> Поэтому теория реформ должна была бы стать важнейшей частью институциональной экономики. Тот факт, что этого не происходит, вновь ставит вопрос о жизнеспособности институционализма <...> который пока остается привлекательной идеологией, а не инструментом исследования» (Полтерович, 1999, с. 4).

В институциональной теории реформ в работах В. М. Полтеровича условно можно выделить три составляющие: трансплантацию институтов, процессы формирования так называемых институциональных ловушек и теорию промежуточных институтов. Основу реформ составляет, как правило, трансплантация или импорт институтов, неверный выбор стратегий институциональных преобразований провоцирует институциональные дисфункции и возникновение так называемых институциональных ловушек, возможный вариант избежать таковые видится В. М. Полтеровичу в стратегии развития промежуточных институтов или институтов догоняющего развития. Описанная трехчастная схема свойственна не только работам В. М. Полтеровича, но, скорее, является общей для большинства русскоязычных исследований в этой области.

³ Данные приведены по состоянию на 01.08.2018 г.

⁴ Отметим, что работ в действительности больше: многие авторы прибегают к иной терминологии: «моделирование институтов» (Попов, 2015), «проектирование институтов» (Тамбовцев, 2008).

⁵ Наличие положительной взаимосвязи между развитием институтов и развитием экономической системы, а тем более экономическим ростом не подтверждается, однако, в ряде исследований. Дискуссия по этому поводу представлена, например, в (Searle, 2005).

Теория трансплантации институтов задеиствует тему глобального рынка институтов. Понятие институциональных ловушек – неэффективного институционального равновесия – созвучно теории нецелевого использования институтов в работах других авторов, а теория промежуточных институтов, прочно вошедшая в русскоязычный дискурс, является одним, но не единственным из предлагаемых ответов на вопрос о поиске минимизирующих риски путей реализации реформ. В первой части своего исследования мы остановимся на описании процессов трансплантации институтов, во второй обратимся к негативным эффектам от реализации неверных реформаторских стратегий, в третьей нами будет рассмотрено понятие промежуточных институтов, а также другие предлагаемые отечественными исследователями способы анализа институциональных преобразований и выработки корректных реформаторских стратегий. Отдельно мы остановимся на вопросах институционального дизайна и о том, почему, по нашему мнению, внедрение в русскоязычный дискурс развитой методологии институционального дизайна позволило бы обогатить российскую институциональную теорию реформ.

1. Рынок институтов и их трансплантация

Процесс заимствования эффективных институтов и их трансплантации в институциональную среду реформируемой страны-реципиента⁶, согласно В. М. Полтеровичу, своей базовой предпосылкой имел и имеет идею о том, что заимствование институтов развитых стран может в сравнительно короткой перспективе привести к сокращению разрыва между странами «золотого миллиарда» и развивающимися экономиками (Полтерович, 2008а, с. 7; Полтерович, 2005, с. 7–8). Однако анализ результатов реализации подобного типа реформаторских стратегий на основе опыта, в частности, целого ряда постсоветских государств свидетельствует об обратном: страны-реципиенты не только не сделали шаг вперед в своем развитии, но и фактически были отброшены назад (Полтерович, 2007, с. 4).

«Корень зла» видится в механизмах действия рынка институтов, искажение которых провоцирует принятие ошибочных решений (Багдасарьян & Миронова, 2017). С одной стороны, очевидно, что «развивающиеся страны имеют, по крайней мере, одно и очень важное преимущество перед странами развитыми – преимущество отсталости: чтобы догонять, им не нужно изобретать ни новые технологии, ни новые институты, достаточно их заимствовать» (Полтерович, 2007, с. 5–6). И на этом этапе задача выбора институтов по критерию их эффективности должна была бы быть решена однозначно. Однако в силу ряда обстоятельств принятым оказывается неверное решение. Одним из факторов, негативно влияющих на процесс институционального выбора, является идеологическая ангажированность как политиков, от воли которых зависит конечное решение, так и экспертного сообщества (Полтерович, 2001, с. 26; Полтерович, 2017б, с. 56)⁷.

Помимо ошибки в выборе трансплантируемого института, В. М. Полтерович выделяет также три другие группы ошибочных действий, провоцирующих негативный эффект от реализации проекта институциональных реформ: неверный выбор момента, темпа или последовательности реформ; недостаточная компенсация проигравшим; недостаточное использование инструментов роста (Полтерович, 2008, с. 19–22).

В качестве примера ошибочной стратегии по внедрению наиболее передовой институциональной формы в ее отрыве от реалий устоявшейся в стране-реципиенте ин-

⁶ В. М. Полтерович настаивает на термине «трансплантация» ввиду того, что он вызывает у читателя правильный ассоциативный ряд: «трансплантированные институты часто “не приживаются” или “болеют”» (Полтерович, 2001, с. 25), тогда как в других работах можно, например, встретить термин «импорт институтов» (см., например: Олейник, 2002, с. 202; Мау & Яновский и др., 2003; Багдасарьян & Миронова, 2017 и др.).

⁷ Укажем, что российские ученые анализируют не только роль западных специалистов в экономических реформах постсоветской России, но и в формировании институционального дизайна политической системы современной России (см., например: Кузнецов, 2016).

ституциональной среды приводится история развития российской системы ипотечного кредитования в 1990-х гг. Попытки внедрения системы банковской ипотеки в условиях отсутствия развитого кредитного рынка, института кредитных историй и при отсутствии соответствующих необходимых поведенческих навыков у заемщиков привели к низким темпам развития института ипотечного кредитования. Альтернативной стремительному насаждению нового института мог бы стать успешный путь, по которому пошли правительства Чехии и Словакии в самом начале 1990-х гг., развивавшие так называемые строительно-сберегательные кассы, что в перспективе позволило сформировать систему ипотечного кредитования в этих странах (Полтерович, 2007, с. 7)⁸.

2. Институциональные ловушки, нецелевое использование институтов и институциональные диссонансы

Реализация ошибочных стратегий в процессе осуществления институциональных реформ провоцирует негативные эффекты, проявляющие себя в различного рода институциональных дефектах. Одним из описывающих эффект понятий являются институциональные ловушки. Впервые термин был предложен в 1999 г. (Полтерович, 1999)⁹. Под институциональными ловушками понимаются «неэффективные, но стабильные нормы или институты», а также «неэффективные равновесия, порождаемые соответствующей нормой» (Полтерович, 2004, с. 5, 7). Институциональные ловушки формируются вследствие реформ и являются результатом взаимодействия эффектов координации, обучения, сопряжения и культурной инерции. Механизм формирования ловушки можно рассмотреть на примере развития системы уклонения от уплаты налогов. Норма обретает устойчивость в случае, если агентам невыгодно отклонение от нее. Взаимодействие агентов с партнерами в рамках принятой нормы сопряжено с трансакционными издержками, тогда как отклонение от нормы в пользу другой нормы сопряжено с другим видом издержек – трансформационными. На этом этапе срабатывает эффект координации: чем большее число агентов следует принятой норме, тем ниже трансакционные издержки для каждого отдельного агента. Так, например, чем более массовым является уклонение от уплаты налогов, тем ниже шанс быть наказанной для каждой отдельной фирмы, соответственно, ниже трансакционные издержки. В таком случае переход отдельной фирмы к «белой» бухгалтерии и выход из «тени» будет сопряжен с трансформационными издержками – необходимостью поиска контрагентов, работающих в «белом секторе». «Со временем трансакционные издержки <...> убывают вследствие эффекта обучения: агенты приобретают навыки и изобретают технологии, сокращающие расходы» (Полтерович, 2004, с. 7). Возникшая норма сопрягается с другими нормами поведения, что дополнительно закрепляет поведенческий норматив, окончательное закрепление реализуется на уровне установления культурных и поведенческих стереотипов, проявляется фактор культурной инерции. На уровне государственных реформаторских стратегий преодоление институциональной ловушки возможно, главным образом, путем создания условий, при которых трансформационные издержки станут ниже трансакционных. В частности, это возможно посредством повышения трансакционных издержек действующей неэффективной нормы благодаря введению санкций в отношении агентов, ей следующих. Предусматривается также возможность самостоятельного преодоления обществом си-

⁸ Более подробно о развитии институтов ипотечного кредитования в переходных экономиках см.: (Полтерович & Старков, 2006).

⁹ Отметим, что введенное понятие институциональных ловушек (в авторском переводе «Institutional traps») (Polterovich, 2000) в англоязычных публикациях встречается редко. Как правило, оно используется российскими учеными (см., например: Dubova et al., 2017; Alekseeva et al., 2014). Однако есть и обратные примеры использования термина «Institutional traps» западными авторами вне контекста исследований российской экономики, но в этом случае концепция представляется самостоятельной, не связанной с работами В. М. Полтеровича (см., например: Gradstein, 2008).

туации ловушки по мере эволюции гражданской культуры, которая является важным переменчивым фактором (Полтерович, 2004, с. 11).

Институциональная ловушка рассматривается как крайняя и наиболее устойчивая форма институциональной дисфункции. Помимо нее, В. М. Полтерович выделяет четыре других варианта дисфункций: атрофия и перерождение института; активизация альтернативных институтов и отторжение; институциональный конфликт; парадокс передачи.

Приведенная классификация далеко не единственная в российской литературе. Интересен опыт классификации «нецелевого использования институтов», когда институты, согласно изначальному представлению о них, являющиеся источником общественного блага, используются экономическими агентами для извлечения выгоды в ущерб интересам других акторов. Возможна следующая классификация типов нецелевого использования институтов: эксплуатация информационной асимметрии, манипулирование институтами, использование институтов в качестве прикрытия, «подчинение институтов» (подробнее см.: Полищук, 2008). Отдельный интерес в этой связи представляет исследование А. В. Верникова, описавшего механизм разворачивания процессов нецелевого использования институтов на примере становления системы страхования банковских вкладов в России (Верников, 2018). История развития системы гарантирования частных банковских вкладов описывается им как превращение институционального трансплантата, изначально декларируемой функцией которого была защита сбережений небогатых граждан и удержания вкладчиков, в институт, обсуживающий инсайдеров частных банков и недобросовестных вкладчиков, что в итоге привело не к минимизации, а, напротив, увеличению общественных издержек.

С несколько иной стороны подходит к вопросу С. Г. Кирдина-Чэндлер. В докладе 2017 г. она обращается к понятию институциональных диссонансов, изначально описываемых исследователями как побочный продукт институциональной сложности, вследствие которой в рамках единой институциональной среды проявляет себя эффект рассогласования двух или более логик поведения и нормативов (подробнее см.: Кирдина-Чэндлер, 2017, с. 16–17). Кирдина-Чэндлер встраивает понятие институциональных диссонансов в концепцию теории институциональных матриц (Кирдина, 2001; 2014). Согласно теории, общество может быть рассмотрено как система в единстве трех основных подсистем: экономической, политической и идеологической. Частью теории является идея комплементарности институтов. Так, например, отдельное общество может быть описано как совокупность соответствующих институтов: реди-стрибутивной экономики, политической системы, тяготеющей к авторитарным формам правления, и коллективистской формы идеологии, в противоположность этому другое общество будет представлено как совокупность институтов рынка, демократии и индивидуализма. Вместе с тем для каждой из систем допустимо наличие комплементарных институтов: присутствия институтов противоположного типа обществ в системе и исполнения ими функций дополнения действующей институциональной среды при сохранении доминирования исторически присущего основного института (так, например, в экономике реди-стрибутивного типа допустимо наличие институтов рынка). В этом случае эффект институционального диссонанса возникает при конфликте двух изначальных эффективных институтов, вследствие которого каждый из институтов теряет свою эффективность, а общественные издержки растут (Кирдина-Чэндлер, 2017, с. 21–22).

3. Промежуточные институты и институциональные коридоры

Описанные случаи возникающих негативных эффектов, вызванных неудачами в институциональных преобразованиях, ставят вопрос о способах если не избежать, то минимизировать издержки институциональных трансформаций. Одной из наиболее распространенных теорий в русскоязычной литературе является стратегия промежу-

точных институтов. Ее суть – «в создании желательного института путем построения цепочки сменяющих друг друга институтов, т.е. путем построения институциональной траектории, которая соединяет исходный институт с желаемым» (Полтерович, 2007, с. 11)¹⁰. Преимущества стратегии промежуточных институтов над шоковой терапией разъясняются на многих примерах, в том числе на сравнении опыта рыночных реформ в постсоветской России, правительство которой выбрало вариант шоковой терапии, и Китая эпохи политики «реформ и открытости», выбравшего «стратегию конструирования и выращивания» (Полтерович, 2007, с. 12)¹¹. Более поздней версией теории промежуточных институтов можно считать концепцию институтов догоняющего развития, противоположных институтам конкурентного рынка. Под последними понимаются институты защиты прав собственности, низкие барьеры входа на рынок и т.д., для полноценного функционирования которых «необходим высокий уровень гражданской культуры» (Полтерович, 2016, с. 36). Институты догоняющего развития, напротив, призваны смягчить культурные, институциональные и технологические ограничения, создать условия модернизации и в итоге запустить процесс формирования институтов конкурентного рынка. К числу таких могут быть отнесены корпоративизм, т.е. «система принятия политических и экономических решений, основанная на взаимодействии государства с организациями, представляющими группы интересов», система национального планирования, сочетание частно-государственного партнерства и проектного финансирования (Полтерович, 2016, с. 38).

Концепция промежуточных институтов как способа преодоления ограничений свойственной реформируемому обществу гражданской культуры для достижения в будущем определенного набора целевых институтов соприкасается с исследованиями влияния социокультурных особенностей общества на его экономическую конкурентность и способность к модернизации (Никишина, 2016), а также роли неформальных институтов в долгосрочной экономической динамике (Аузан & Никишина, 2013)¹². Исследования, основанные на применении, в частности, методики Гирта Хофстеде, выделявшего такие социокультурные характеристики, как долгосрочная ориентация (*long term orientation*); избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*); индивидуализм (*individualism*); дистанция власти (*power distance*); маскулинность (*masculinity*) и концепции социального капитала, понимаемого как степень распространенности норм честности, доверия и кооперации в обществе¹³, позволяют сделать предположение о наличии нечеткой, но прослеживаемой связи между социокультурными факторами, распространением институтов открытого доступа и долгосрочной динамикой экономического развития. В этом разрезе, согласно, например, исследованию, проведенному Центром стратегических разработок, промежуточным институтам отводится роль «ослабления социокультурных ограничений, препятствующих внедрению целевых (стандартных) институтов» при условии, что под целевыми институтами понимаются институты открытого доступа (Центр..., 2017, с. 101)¹⁴.

Промежуточные институты описываются как стратегия, соответствующая парадигме градуалистских реформ, в противоположность шоковым реформам. Однако в основе и шоковых реформ, и градуалистской стратегии промежуточных институтов лежит представление о неких целевых институтах, как это видно на примере выше,

¹⁰ В англоязычной литературе более известен термин «second-best institutions» (см. Rodric, 2008).

¹¹ Управляемое выращивание институтов классифицируется В. М. Полтеровичем как «частный случай стратегии промежуточных институтов» (Полтерович, 2008б, с. 21). Более подробно о сравнении стратегий реформ в Китае и России см.: (Полтерович, 2006). Более подробно о дискуссии вокруг концепции выращивания институтов см: (Клейнер, 2005; Кузьминов и др., 2005).

¹² Отметим, что В. М. Полтерович также в недавних работах обращается к изучению влияния культурных особенностей на институциональную среду и перспективы экономической модернизации (Полтерович, 2017).

¹³ О проблеме измерения неформальных институтов см.: (Voigt, 2018).

¹⁴ Необходимо отметить, что, говоря о взаимовлиянии институтов и культурных предпочтений и особенностей, исследователи указывают на долгосрочность последствий воздействия институтов на культурные предпочтения (Chong & Gradstein, 2018).

институтах открытого доступа. Открытым в обоих случаях остается лишь вопрос способов построения желаемых институтов и способов выхода из колеи эффекта path dependence (Аузан, 2017).

Другой подход к рассмотрению данной проблемы представлен в теориях институционального (Попов & Соколов, 2017; Камко & Кирдина-Чэндлер, 2018), или, употребляя другой термин, эволюционного коридора (Кирдина, 2011). Идея существования институциональных, или эволюционных коридоров в более широком смысле опирается на уже упоминавшуюся нами теорию институциональных матриц и комплементарных институтов, действующих в рамках, ограниченных доминирующими институтами. «Существование эволюционного коридора демонстрирует неизменными основные качественные параметры системы, которая может изменяться только в определенном диапазоне <...> эволюционный коридор обеспечивает постоянство в соотношении основных и комплементарных институтов при доминировании тех базовых институтов, которые присущи институциональной матрице рассматриваемой экономической системы» (Попов & Соколов, 2017, с. 8). Тезис о наличии определенных коридоров иллюстрируется, например, исследованием эволюции земельных отношений в трех странах: России, Индии и Японии. Показано, что, несмотря на активные институциональные реформы, нацеленные на установление рыночных институтов и институтов частной собственности, для всех трех стран общим осталось сохранение значительной роли классических для данных систем институтов ограничений частной собственности в интересах сохранения общественного блага, что позволяет исследователям говорить о сохранении устойчивых в исторической перспективе допустимых границ институциональных преобразований и соблюдения необходимых пропорций сосуществования комплементарных институтов (Попов & Соколов, 2017; Соколов, 2017).

Заключение

Как видно из проведенного обзора, доминирующей в российской научной литературе является позиция, согласно которой основной задачей институциональных преобразований, реализуемых посредством реформаторских воздействий на среду, является достижение неких целевых параметров институтов. Вместе с тем для теории институционального дизайна в ее прочтении Элинор Остром и сподвижниками из Блумингтонской школы основой является признание допустимого институционального разнообразия, что в известной степени предполагает и наличие определенных препятствий для институциональных трансплантаций, в том числе тех, что не обязательны к преодолению. Для русскоязычных работ свойственно следование парадигме дихотомии противопоставления градуалистских реформ шоковым. Теории промежуточных институтов, выращивания институтов построены на признании негативного опыта истории транзита постсоветской России в сторону института рынка, осуществленного согласно принципам шоковой терапии (об этом см., например: Полтерович, 2005, с. 8; Кузьминов и др., 2005, с. 5–6), и поиске теоретических оснований для моделирования стратегий реформ градуалистского типа.

Как нам представляется, включение в дискуссию категорий многовариантности институционального разнообразия и признание наличия эволюционных институциональных коридоров смогло бы вывести практику моделирования и реализации реформаторских стратегий на новый уровень и в идеале приблизить к искомому решению одной из стоящих перед реформаторами задач: минимизации провоцируемых реформами рисков.

ЛИТЕРАТУРА

Аузан, А. А., Никишина, Е. Н. (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // *Журнал экономической теории*, (4), 48–57.

Аузан, А. А. (2017). Промежуточные институты. Почему в России нельзя построить все сразу // *Сайт Московского центра Карнеги* (<https://carnegie.ru/commentary/73216> – Дата обращения: 17.08.2018).

Багдасарьян, И. С., Миронова, Е. С. (2017). Импорт институтов в российской экономике // *Постулат*, (2). (<http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/387> – Дата обращения: 08.06.2018).

Верников, А. В. (2018). Нецелевое использование института на примере страхования банковских вкладов в России // *Банковское дело*, (6), 34–39.

Вольчик, В. В. (2012). Эволюционный подход к анализу институциональных изменений // *Terra ecomoticus*, 10(4), 62–69.

Гареев, Т. Р. (2010). Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-) уровне // *Общественные науки и современность*, (5), 45–58.

Камко, Е. В., Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2018). Институциональная структура российской национальной инновационной системы: path dependence-эффект // *Актуальные проблемы экономики и права*, 12(1), 149–160.

Как менять конфигурацию власти в России? Круглый стол (1999) // *Полис. Политические исследования*, (4), 70–92.

Кирдина, С. Г. (2001). *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск: ИЭиОПП РАН.

Кирдина, С. Г. (2011). Институциональные изменения и принцип Кюри // *Экономическая наука современной России*, (1), 19–38.

Кирдина, С. Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. М., СПб.: Нестор-История.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2017). *Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад*. М.: Институт экономики РАН.

Клейнер, Г. Б. (2005). Модернизация экономики и «выращивание» институтов: взгляд «снизу» / В кн.: *Модернизация экономики и выращивание институтов*, Кн. 1. М.: ИД ГУ ВШЭ.

Кузнецов, И. И. (2016). Институциональный дизайн российской власти: влияние внешних факторов становления формы правления // *Политическая наука*, (5), 227–244.

Кузьминов, Я., Радаев, В., Яковлев, А., Ясин, Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию // *Вопросы экономики*, (5), 5–27.

Мау, В. А., Яновский, К. Э. и др. (2003). Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки // *Научные труды ИЭПП*, № 68Р. М.: Институт экономики переходного периода, 234 с.

Никишина, Е. Н. (2016). Воздействие социокультурных факторов на трансакционные издержки и конкурентные преимущества общества // *Экономическая политика*, 11(1), 105–120.

Олейник, А. Н. (2002). *Институциональная экономика: Учеб. пособие*. М.: ИНФРА-М.

Полищук, Л. И. (2008). Нецелевое использование институтов: причины и следствия // *Вопросы экономики*, (8), 28–44.

Полтерович, В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, 35(2), 3–20.

Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, (3), 24–50.

Полтерович, В. М. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*, (3), 5–16.

Полтерович, В. М. (2005). К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // *Экономическая наука современной России*, (1), 7–25.

Полтерович, В. М. (2006). Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // *Экономика и математические методы*, 42(2), 3–16.

Полтерович, В. М. (2007). *Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ: Препринт WP10/2007/08*. М.: ГУ – ВШЭ, 24 с.

Полтерович, В. М. (2008а). Современное состояние теории экономических реформ // *Пространственная экономика*, (2), 6–45.

Полтерович, В. М. (2008б). Современное состояние теории экономических реформ // *Экономическая наука современной России*, (1), 7–34.

Полтерович, В. М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, (5), 34–56.

Полтерович, В. М. (2017а). Институты догоняющего развития и гражданская культура // *Труды вольного экономического общества России*, 205(3), 314–328.

Полтерович, В. М. (2017б). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // *Вопросы теоретической экономики*, (1), с. 55–65.

Полтерович, В. М., Старков, О. Ю. (2006). *Проблема трансплантации ипотечных институтов в переходных экономиках: роль стройсберкасс*. М.: ЦЭМИ РАН.

Попов, Е. В. (2015). Идеи и принципы мультикультурного институционального моделирования // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: Экономика и право, 25(6-2), 8–18.

Попов, Е. В., Соколов, Г. М. (2017). Институциональный коридор развития земельных отношений // *Известия Уральского государственного экономического университета*, (3), 5–18.

Соколов, Г. М. (2017). Система категорий для анализа земельных отношений // *Журнал экономической теории*, (1), 165–168.

Тамбовцев, В. Л. (2008). *Основы институционального проектирования: Учеб. пособие*. М.: Экономический факультет МГУ.

Центр стратегических разработок (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. (<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> – Дата обращения: 17.08.2018).

Alekseeva, L. V., Nikonova, T. V. and Yusupova, L. M. (2014). Institutional Traps of Human Capital Consumption: Public Goods Production Problems // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(24), 131–136.

Chong, A. and Gradstein, M. (2018). Imposed institutions and preferences for redistribution // *Journal of Institutional Economics*, 14(1), 127–156.

Dubova, Y., Dugina, T., Korabelnikov, I., Gornostaeva, Z. and Alekhina, E. (2017). Institutional Traps as Barriers for Development of Regions' Marketing Activities / In: E. G. Popkova (ed.) *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*. Springer International Publishing AG.

Gradstein, M. (2008). Institutional traps and economic growth // *International Economic Review*, 49(3), 1043–1066.

Klijn, E. H. and Koppenjan, J. (2006). Institutional design: Changing institutional features of networks // *Public Management Review March*, 8(1), 141–160.

Ostrom, E. (1990). *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions*. N.Y.: Cambridge University Press.

Polterovich, V. (2000). Institutional traps / In: L. R. Klein and M. Pomer (ed.) *The New Russia: Transition Gone Awry*. Stanford: Stanford University Press.

Rodrik, D. (2008). Second-best Institutions // *American Economic Review: Papers & Proceeding*, 98(2), 100–104.

Searle, J. (2005). What is an institution? // *Journal of Institutional Economics*, 1(1), 1–22.

Voigt, S. (2018). How to measure informal institutions // *Journal of Institutional Economics*, 14(1), 1–22.

REFERENCES

Alekseeva, L. V., Nikonova, T. V. and Yusupova, L. M. (2014). Institutional Traps of Human Capital Consumption: Public Goods Production Problems. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(24), 131–136.

Auzan, A. A. (2017). Second-best institutions. Why is it impossible to build all at once in Russia? *Carnegie Moscow Center web-site*. (<https://carnegie.ru/commentary/73216> – Access Date: 17.08.2018). (In Russian.)

Auzan, A. A. and Nikishina, E. N. (2013). Economic dynamics in the long run: the role of informal institutions. *Journal of Economic Theory*, (4), 48–57. (In Russian.)

Bagdasarian, I. S. and Mironova, E. S. (2017). Import of institutes in the Russian economy. *Postulat*, (2). (<http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/387> – Access Date: 08.06.2018). (In Russian.)

Center for Strategic Research (2017). Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms. (<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> – Access Date: 17.08.2018). (In Russian.)

Chong, A. and Gradstein, M. (2018). Imposed institutions and preferences for redistribution. *Journal of Institutional Economics*, 14(1), 127–156.

Dubova, Y., Dugina, T., Korabelnikov, I., Gornostaeva, Z. and Alekhina, E. (2017). Institutional Traps as Barriers for Development of Regions' Marketing Activities / In: E. G. Popkova (ed.) *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*. Springer International Publishing AG.

Gareev, T. R. (2010). Institutions and economic development at the sub-regional (meso-) level. *Social sciences and modernity*, (5), 45–58. (In Russian.)

Gradstein, M. (2008). Institutional traps and economic growth. *International Economic Review*, 49(3), 1043–1066.

How to change the configuration of power in Russia? Round Table (1999). *Polis. Political Studies*, (4), 70–92. (In Russian.)

Kamko, E. V. and Kirdina-Chandler, S. G. (2018). Institutional structure of the Russian national innovative system: path dependence – effect. *Actual Problems of Economics and Law*, 12(1), 149–160. (In Russian.)

Kirdina, S. G. (2001). *Institutional matrices and development of Russia*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the RAS. (In Russian.)

Kirdina, S. G. (2011). Institutional changes and the Curie principle. *Economics of Contemporary Russia*, (1), 19–38. (In Russian.)

Kirdina, S. G. (2014). *Institutional matrices and development of Russia. Introduction into X-Y-theory*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian.)

Kirdina-Chandler, S. (2017). *The Meso Level: A New Look at Economics? Working paper*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian.)

Kleiner, G. B. (2005). Modernization of the economy and the «cultivation» of institutions: a view «from below» / In: *Modernization of the economy and the cultivation of institutions*, Book 1. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russian.)

Klijn, E. H. and Koppenjan, J. (2006). Institutional design: Changing institutional features of networks. *Public Management Review March*, 8(1), 141–160.

Kouzminov, Ya., Radaev, V., Yakovlev, A. and Yasin, E. (2005). Institutions: From import to raising. *Voprosy Ekonomiki*, (5), 5–27. (In Russian.)

Kuznetsov, I. I. (2016). Institutional design of the Russian authority: The influence of external factors on the formation of government. *Political science*, (5), 227–244. (In Russian.)

Mau, V. A., Yanovsky, K. E. and others (2003). Imported institutions in countries with economies in transition: efficiency and costs. *Scientific Works of IET 68P*. Moscow: Institute for the Economy in Transition, 234 p. (In Russian.)

Nikishina, E. N. (2016). The Effects of Culture on Transaction Costs and Competitive Advantages of the Society. *Ekonomicheskaya Politika*, 11(1), 105–120. (In Russian.)

Oleinik, A. N. (2002). *Institutional Economics: Textbook*. Moscow: INFRA-M. (In Russian.)

Ostrom, E. (1990). *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions*. N.Y.: Cambridge University Press.

- Polishchuk, L. (2008). Misuse of Institutions: Causes and Consequences. *Voprosy Ekonomiki*, (8), 28–44. (In Russian.)
- Polterovich, V. (2000). Institutional traps / In: L. R. Klein and M. Pomer (eds.) *The New Russia: Transition Gone Awry*. Stanford: Stanford University Press.
- Polterovich, V. M. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and mathematical methods*, 35(2), 3–20. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2001). Economic institutions transplantation. *Economic Science of Contemporary Russia*, (3), 24–50. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2004). Institutional traps: How to get out? *Social Sciences and modernity*, (3), 5–16. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2007). *Institutional Reform Strategies or Art of Reforms: Working paper WP10/2007/08*. Moscow: State University – Higher School of Economics. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2008b). The current state of the theory of economic reforms. *Economics of Modern Russia*, (1), 7–34.
- Polterovich, V. M. (2016). Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, (5), 34–56. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2017a). Institutions of catching-up development and civil culture. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 205(3), 314–328. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2017b). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology. *Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki*, (1), 55–65. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. and Starkov, O. Yu. (2006). *The problem of transplantation of mortgage institutions in transitional economies: the role of building slopes*. Moscow: CEMI RAS Publ. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2005). Towards a Guide for Reformers: Some Conclusions from the Theory of Economic Reforms. *Economic Science of Contemporary Russia*, (1), 7–25. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2006). Strategies for institutional reforms. China and Russia. *Economics and Mathematical Methods*, 42(2), 3–16. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (2008a). The Current State of the Theory of Economic Reforms. *Spatial Economics*, 2, pp. 6–45. (In Russian.)
- Popov, E. V. (2015). Ideas and principles of multicultural institutional modeling. *Bulletin of Udmurt University. Series of Economics and Law*. 25(6-2), 8–18. (In Russian.)
- Popov, E. V. and Sokolov, G. M. (2017). Institutional Corridor of Land Relations Development. *Izvestiya of the Ural State University of Economics*, (3), 5–18. (In Russian.)
- Rodrik, D. (2008). Second-best Institutions. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 98(2), 100–104.
- Searle, J. (2005). What is an institution? *Journal of Institutional Economics*, 1(1), 1–22.
- Sokolov, G. M. (2017). System of categories for the analysis of land relations. *Journal of Economic Theory*, (1), 165–168. (In Russian.)
- Tambovtsev, V. L. (2008). *Basics of institutional design*. Moscow: Economic Faculty of Moscow State University Publ. (In Russian.)
- Vernikov, A. V. (2018). Non-purpose use of the Institution on the example of bank deposit insurance in Russia. *Banking*, (6), 34–39. (In Russian.)
- Voigt, S. (2018). How to measure informal institutions. *Journal of Institutional Economics*, 14(1), 1–22.
- Volchik, V. V. (2012). Evolutionary approach to the analysis of institutional changes. *Terra economicus*, 10(4), 62–69. (In Russian.)